

ЧИТАЛКА «ШБ»

И.И. ТИХОМИРОВА,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Методический словарь-справочник для библиотекарей «Психология детского чтения от А до Я»

Уважаемые друзья! Мы начинаем публикацию методического словаря-справочника для библиотекарей «Психология детского чтения от А до Я», статьи которого будут предлагаться вашему вниманию из номера в номер.

Ирина Ивановна Тихомирова, кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств – автор словаря-справочника, пишет: «Посылаю первый очерк «Аналогия». За ним последуют «Ассоциация», «Библиотерапия», «Воображение» и т.д. Всего запланировано 25 слов-очерков.

Психология детского чтения – это наука о работе сознания ребенка в процессе чтения: работе многогранной и сложной. Ее богатство складывается из совокупности ряда черт, свойств, качеств сознания. «Синдром нарушения восприятия», о котором говорят нынешние учителя, имея в виду школьников, как раз и свидетельствует о том, что в работе сознания ребенка происходят сбои: над открытой книгой его душа спит. Внутреннего резонанса не происходит: отсутствует сопереживание, тупеет мысль, не работает воображение, рассеивается внимание и т.д. Задача словаря – помочь библиотекарям и другим руководителям детского чтения в развитии и обогащении восприятия текста, в повышении его уровня. Словарь даст четкое представление: какие качества и способности надо развивать, чтобы вырос полноценный читатель и, значит,

АНАЛОГИЯ

В обычном смысле слова АНАЛОГИЯ (греч. Analogia – соответствие, соразмерность) – это нахождение сходства между предметами и явлениями в каком-либо отношении. Использование аналогий при чтении научных книг является основой для выдвижения догадок, гипотез, умозаключений. Аналогия в этом случае позволяет переносить знания об одном предмете на другой. Достоверность вывода по аналогии возрастает, если между предметами устанавливается сходство не по внешним, а по существенным признакам. Аналогии включают в

систему научного мышления, например, при моделировании. Вместе с тем, аналогия широко используется при чтении художественной литературы, как одна из составляющих образного мышления.

В литературном произведении, как и в реальной жизни, мы имеем дело с множеством явлений. Когда путем размышлений, ассоциаций, сравнений приходим к установлению по каким-либо признакам сходства явлений, мы производим аналогию. (Курьезный пример поисков аналогий нам привел А.Чехов в рассказе «Лошадина фамилия». Герои его искали прямого сходства фамилии с лошадью. И все неудачно. А

правильная аналогия в данном случае была опосредованной. Искомая фамилия оказалась – Овсов.)

Петербургский ученый А.М. Левидов, автор книги «Литература и действительность» обратил внимание на определенное сходство между Чацким и Чичиковым в том аспекте, что они оба не находят другого выхода, как требовать себе карету (бричку), бежать куда-нибудь подальше. В том и другом случае их бегству предшествовала сплетня. И там и там она фантастически росла. Ситуации явно совпадают. Однако они совпадают только в конкретности. Что касается сущности этих явлений, то она далеко не идентична. Как говорит пословица: если два человека делают одно и то же, то они делают не одно и то же. Чацкий бежит из Москвы, потрясенный, ошеломленный тем, что увидел здесь. Чичиков же бежит, чтобы не быть пойманным с поличным. В этом примере аналогия произведена по сходству внешних проявлений, в иных произведениях и иных случаях она может быть установлена по сходству сущности, по тому, что не лежит на поверхности. Так, Добролюбов, отметив разницу личностных характеристик героев, обнаружил внутреннее родство Рудина, Печорина, Евгения Онегина и ряда других персонажей классической русской литературы на том основании, «что над всеми этими лицами тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете».

Нахождение сходства между персонажами разных произведений и разных авторов – наиболее часто встречающийся вариант читательских аналогий.

Другим распространенным вариантом возникающих в процессе чтения художественной литературы аналогий является нахождение сходства личности самого читателя, или других известных ему людей, с личностью литературного героя. Макар Девушкин, персонаж повести Достоевского «Бедные люди», сравнивая себя с Самсоном Выриным («Станционный смотритель» Пушкина) в письме пишет: «Живешь и не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена... Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книге. Да я и сам в таких же положениях подчас находился, как, примерно сказать, этот Самсон Вырин, бедняга. Да, сколько между нами-то ходит Самсонов Выриных, таких же горемык сердечных!». Близкую этой мысль высказал современный писатель В. Приемыхов в предисловии к книге «Двое с лицами

малолетних преступников»: «Я люблю Пятнадцатилетнего капитана, Гека Финна, капитана Сорви-голова только за то, что они напоминают мне какого-нибудь Васюку, Петра или меня самого».

В этом плане большую роль играют персонажи классических произведений, ставшие нарицательными. Посредством их характеризуют реальных людей. Горький говорил: «Всякого лгуна мы называем – Хлестаков, подхалима – Молчалин, лицемера – Тартюф, ревнивца – Отелло и т.д.». Но для того, чтобы найти сходство, разумеется, надо знать объекты сравнений, суметь разглядеть в них схожие черты.

Большое значение для актуализации аналогий имеют те конкретные обстоятельства, в которых находится читатель. В воспоминаниях Маршака есть эпизод, рассказывающий о его восприятии повести Пушкина «Дубровский». Он читал ее как раз в тот период, когда помещик Лясковский жестоко обманул его отца. И в сознании юноши незаметно слились помещик Троекуров с помещиком Лясковским, а Владимир Дубровский – с его отцом. «Правда, – пишет Маршак, – отец не стал атаманом разбойников и ничем не отомстил вероломному подполковнику, но события, происшедшие в действительности, и эпизоды пушкинской повести так тесно переплелись между собой, что и до сих пор живут в моей памяти рядом». Можно допустить, что в другое время и при других жизненных обстоятельствах такого «переплетения» пушкинских героев с реальными людьми в аспекте обмана могло бы и не возникнуть.

Сказывается на возникновении аналогий и внутреннее состояние читателя в момент восприятия, опыт его переживаний. Показателен в этом плане пример, изображенный в романе немецкого писателя У. Плещдорфа «Новые страдания юного В.» Молодому человеку конца 20-го века попался роман Гете «Страдания юного Вертера». Просмотрев роман и увидев, что и лексика в нем устаревшая, и поведение героя совсем не похоже на современное, и атрибуты жизни совсем иные, читатель сделал вывод: «Чушь одна». Но прошло время, этот юноша влюбился, и любовь оказалась неразделенной, как у Вертера. И вот тут-то рука юноши снова потянулась к книге Гете. Сходство положения и душевных переживаний, застенчивая нежность соединили героя романа Плещдорфа с героем романа Гете. Впечатление оказалось потрясающим. Стремление разобраться в переживаемой драме и явилось в данном случае стимулирующим фактором обращения юноши к отвергнутой им ранее книге.

По тонкости читательских аналогий мы можем судить о художественной одаренности читателя, его культуре. Примечателен факт из воспоминания Чарли Чаплина. На заре своей артистической деятельности он впервые осмелился попросить работу, отвечающую его призванию. Свое душевное состояние при этом он сравнил с состоянием героя Диккенса: «Я почувствовал себя, как Оливер Твист, попросивший добавки». Проведенная им аналогия красноречивее всяких других объяснений говорит о самочувствии Чаплина, обратившегося с личной просьбой «маленького человека» к вышестоящему лицу. Аналогия помогла одаренному юноше выразить себя через художественный образ. Сказалось глубокое знание и прочувствование им романа Диккенса, способность к психологической идентификации с литературным героем.

Приведенные примеры аналогий взяты нами из взрослой литературы и произведены взрослыми людьми. Это не означает, что читающие дети не способны на подобные открытия. В рамках своего читательского багажа уже двухлетние дети проявляют способность к нахождению параллелей. Одна мама рассказывает, что ее малыш, увидев на книжной картинке Мука из сказки Гауфа, воскликнул: «Ой, смотри, нос как у Буратино?». На примитивном уровне находить сходство между реальным предметом и изображенным в книге способны даже дети, еще не умеющие говорить. Мама читает малышу: «Уронили мишку на пол», и тот, сообразив сходство, приносит из соседней комнаты плюшевого мишку. У трехлетних детей обнаружена способность к установлению аналогий между персонажами и реальными людьми уже на уровне характеров. Как рассказывает профессор Н.Е.Добрынина, ее внуки, Анна и Кирилл, слушая сказку С.Михалкова «Три поросенка», нашли сходство Нуф-Нуфа с Анной, а Ниф-Нифа с Кириллом. А когда бабушка спросила: «А я – волк? Они ответили: «Нет, ты Наф-Наф».

Чем старше ребенок, чем обширнее репертуар прочитанных им книг, тем больше предпосылка для возникновения аналогий. У вдумчиво читающих младших школьников в отзывах и суждениях можно встретить довольно глубокие сравнения. Так, третьеклассница, прочитавшая сборник сказок Андерсена, заметила внутреннее сходство между Гердой из сказки «Снежная королева» и Элизой из сказки «Дикие лебеди». Хотя эти героини внешне и по возрасту различны, как различны и те обстоятельства, в которых они действуют, но между ними много общего. И не только в том, что они обе спасли дорогих им людей. (Герда спасла друга, Элиза – братьев).

Та и другая проявили мужество и волю в преодолении препятствий на пути к цели, готовность к самопожертвованию во имя других. Именно на эту общность характеров героинь Андерсена и указала девочка. Такого рода аналогии свидетельствуют о глубоком восприятии прочитанных произведений и о способности читателей к размышлениям над явлениями, лежащими за рамками непосредственного восприятия.

Изучение детских читательских впечатлений у людей, ставших позже талантливыми писателями, показывает, что они довольно рано проявили способность к нахождению существенных аналогий между читаемыми произведениями и реальной жизнью. Размышления над литературным произведением и окружающей действительностью сливались у них нередко в единый процесс. Литература, соотношенная с жизнью, становилась ключом к познанию людей и социальных явлений. Одно из подтверждений этому мы нашли в опыте детского чтения Горького. Читая повесть О.Бальзака «Евгения Гранде», подросток обнаружил, что герой повести, старик Гранде, во многом похож на его собственного деда Каширина. Их объединяла скупость, мелочность, жестокость. Вместе с тем повесть помогла мальчику глубже понять своего деда, увидеть в нем то, чего он раньше не видел, не знал в нем. Важно заметить, что книги открывали будущему писателю не только характеры окружающих людей и тайны их взаимоотношений. Они открывали ему законы литературы, вырабатывали критерии оценки художественных произведений. В повести «Детство» он рассказал, что был в ту пору очень увлечен романами Дюма-отца. Он «глотал» их один за другой. Это невольно заставляло его сравнивать прочитанные книги. Вскоре он понял, что они однообразны. О любви все герои, мужчины и женщины, говорили одними и теми же словами. «Это однообразие, – пишет Горький, – становилось не только скучным, но и возбуждало смутные подозрения». Смутные подозрения касались художественной состоятельности прочитанных романов, верности отражения в них социальной действительности и психологии людей.

Аналогии, зарождающиеся в сознании читателя в процессе восприятия, открывают путь к самопознанию. При сравнении себя с литературными героями, при обнаружении сходства, возникает «эффект узнавания». Порой он поражает читателя, как, например, поразила юного Чуковского обнаруженная им идентичность его самого с героем повести Чехова «Моя жизнь». «Мне почудилось, – говорит он, – будто эта

жизнь и вправду моя, словно я прочитал свой дневник, жизнь неприкаянного юноши девятилетних годов. И рассказ «Володя» был весь обо мне, так, что даже стыдно было читать его вслух».

Говоря об аналогии как элементе культуры чтения, надо отметить, что существуют литературные жанры, специально рассчитанные на установление аналогий. К ним относятся басни, притчи, мифы – жанры, в основе которых лежат аллегории, то есть иносказания, содержащие намеки на что-либо другое. В баснях, например, под видом животных изображаются люди с их пороками: лицемерием, ханжеством, жадностью, тупостью. В притчах изображаются конкретные события, имеющие обобщающий характер, и каждый думающий читатель способен перенести их смысл на свою жизнь и жизнь окружающих людей. То же самое можно сказать и о мифах, герои которых – греческие боги, олицетворяющие определенные человеческие качества – мудрость, силу, воинственность, трудолюбие и т.д. Сравнивая реальных людей с теми или иными богами, читатели находят и в реальных людях аналогичные черты.

Читательскую способность при восприятии произведений отбрасывать конкретность и находить общность в абстрактном А.М. Левидов назвал «подстановкой». С этой точки зрения большинство примеров аналогий, приведенных выше, есть не что иное, как подстановка. Целый букет подстановок мы обнаружили в отзыве ученика третьего класса на сказку Ф. Зельтона «Бемби». В матери и отце олененка Бемби мальчик узнал своих собственных папу и маму, а в состоянии опадающих осенью листьев – грусть и печаль старых людей, прощающихся с жизнью, в себе же он нашел что-то от лягушонка. С полным правом мы можем назвать подстановкой и следующее сочинение его сверстника, в котором сравнивается Золушка с Гадким утенком: «Оба сначала были несчастны, их не любили, с ними плохо обращались, но они терпели. Но в конце обоим улыбнулось счастье. Они оказались лучше всех». Чтобы произвести такого рода аналогию, ребенок должен был, прежде всего, перенести страдания и радости утенка на человека, отбросить конкретность, различающую героев, сравнить их друг с другом, найти одинаковые черты и сходство судеб.

Путь ребенка от простых аналогий к подстановке – трудный путь. Преодолевают его только думающие читатели. Иногда подстановка удается читателю лишь в результате неоднократного перечитывания произведения. Пример такой «удачи» мы встретили в рассказе М. Бремерна

«Толя-Трилли». Речь в нем идет о мальчике, которому довелось в фильме по рассказу А. Куприна «Белый пудель» играть роль барчука Трилли. Сначала мальчик у себя с персонажем ничего общего не находил. Трилли капризный, взбалмошный, истеричный. Играющий эту роль мальчик – совсем другой: выдержанный, спокойный. Однако, по мере углубления в характер барчука, мальчик все больше и больше начинал осознавать, что между ними больше сходства, чем различия. Различия оказались только внешние, а сходство – внутреннее. Тот и другой – закоренелые эгоисты. Нелегкий путь к подстановке, сделанный отчасти и с помощью режиссера, оказался у начинающего актера путем к исправлению самого себя.

Говоря об аналогиях, надо подчеркнуть одну характерную их черту: они всегда приближительны, и никогда не тождественны объекту. По какому бы признаку аналогия не производилась, она схватывает предмет лишь частично. Это во многом объясняет тот факт, что одна и та же книга, даже конкретный персонаж или отдельный случай, изображенный в литературе, способны вызывать разные аналогии у разных людей. Предусмотреть их заранее невозможно. Неисчерпаемость аналогий обеспечивает долгую жизнь классическим произведениям, которые читаются и перечитываются многими поколениями людей. Нахождение аналогий – один из важнейших побудительных мотивов чтения. Вот почему развитие у детей аналогового мышления на материале литературы – составная часть педагогики чтения.

В арсенале библиотечной методики можно встретить приемы, специально нацеленные на активизацию разного рода читательских аналогий. Среди них задания на поиски общего в литературных героях. Интересный пример игры с такого рода заданиями мы обнаружили в опыте петербургского школьного библиотекаря Татьяны Андреевой. Детям предлагается ряд пословиц, в соответствии со смыслом которых надо подобрать известные детям персонажи. Например: «Смелость города берет», «Золото и в грязи блестит», «Дружное стадо и волк не берет», «И нашим, и вашим за копейку спляшем». Характерен и другой прием: библиотекарь называет ряд произведений, имеющих сходство в каком-либо отношении, и вставляет в этот перечень инородное. Задание детям – объяснить, есть ли что-то общее в этих произведениях, и обнаружить среди них лишнее. По этому же принципу строится цепочка персонажей. Например: Гингема, Урфин Джюс, Баба-яга, Буратино: кто в этой компании лишний и почему? Ту же цель преследует за-

дание: продолжить перечень названных персонажей по принципу сходства: Капитан Врунгель, Мюнхгаузен, Незнайка – кто еще?

На более глубокие читательские аналогии нацеливают детей библиотекари города Озерска Челябинской области, разработавшие программу «Читаем, думаем, творим», в которой большое место занимают обсуждения литературных произведений с детьми младшего школьного возраста. Разрабатывая вопросы к разным произведениям, авторы считают необходимым создавать «переключку» между ними. Так, обсуждая рассказ А.Куприна «Белый пудель», они предлагают детям вспомнить рассказ писателя Н. Гарина-Михайловского «Тёма и Жучка», найти то общее, что роднит их, сравнить нравственные позиции героев, их поведение в сходных ситуациях, высказать к ним свое отношение. Возникшее в последние годы новое направление в работе библиотек, названное библиотерапией, во многом строится на личностных аналогиях. В ее основе лежит установка на развитие у читателей способности соизмерять свой внутренний мир духовным миром персонажей литературных произведений, черпать у них жизнестойкость, находить в них поддержку в решении жизненных и психологических проблем.

АССОЦИАЦИЯ

как элемент творческого чтения

Ассоциация (от лат. association – соединение) – в наиболее общем значении – любая установленная функциональная связь между двумя или более элементами, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого. Явления могут сближаться и образовывать прочные связи в силу их смежности, сходства или контраста. Психофизиологической основой ассоциации является условный рефлекс, который возникает самопроизвольно в ответ на стимул. В момент ассоциации сознание возвращается к своей подсознательной основе, обновляя взаимосвязи, обретая доступ к новым образам и энергиям.

Различают ассоциации управляемые и свободные. Ассоциации, рожденные в рамках выполнения специальных тестов, инструкций, называют управляемыми. Свободная ассоциация – это любая автоматически возникающая реакция на слово, мысль, идею, предмет.

Ассоциации, как и аналогии – элементы обобщенного мышления. Каждый человек несет в себе достаточно интенсивный и плотный материал ранних впечатлений, актуализация которых мо-

жет произойти в любой момент. Чем богаче жизненный и эмоциональный опыт человека, активнее воображение, тем богаче его ассоциации. С опытом мозг человека становится огромным складом воспоминаний и вымыслов, доступ к которым всегда открыт. И что бы ни произошло, воображение мгновенно извлекает из этого склада что-либо сходное или противоположное и воплощает это в мелькнувших образах. Особенно богаты и неожиданны ассоциации у художественно одаренных людей. В романе «Мартин Иден» Джек Лондон показал, как возникают ассоциации у талантливого писателя: «Делалось это совершенно произвольно, и каждому событию реальной жизни неизменно сопутствовали картины, создаваемые фантазией. Эти видения были отголоском всего того, что пережил некогда Мартин, всего, что он видел и вычитал из книг, и они постоянно, наяву и во сне, теснились в его мозгу».

Читательские ассоциации – это реакции на слово, образ, название книги, произведение или литературный жанр в целом. Например, психолог И.В.Вачков в своей книге «Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку» (2001 г.) приводит ассоциативный ряд, который возникает в сознании детей младшего школьного возраста на само слово «сказка»: «детство», «теплота», «бабушка», «радость», «вымысел», «страшно». При чтении художественного произведения ассоциации могут неожиданно возникать при восприятии отдельного слова. Они могут появляться и как реакция на имя автора книги. Иван Бунин вспоминал, как при упоминании имени Лермонтова в его сознании мгновенно возникали картины снежной вершины Казбека, Дарьяльского ущелья, долины Грузии, где шумят «обнявшись, точно две сестры, струи Арагвы и Куры», облачной ночи в Тамани, дымной морской синевы, в которой чуть белеет вдали парус.

Ассоциации могут идти и в обратном направлении: от реальной действительности – к литературным произведениям. Так, у ребенка, пришедшего в Таврический сад, мгновенно в памяти возникает «Мойдодыр» К.Чуковского. При упоминании улицы Бассейной – встает образ человека Рассеянного, персонажа стихотворения С.Маршака. У начитанных петербуржцев «Давно стихами говорит Нева, строкою Гоголя ложится Невский, о Блоке вспоминают Острова, а по Разъезжей бродит Достоевский». У людей, не читавших произведения упомянутых авторов, этих ассоциаций не возникает.

При выборе книг ассоциации могут и обмануть читателя, когда он ожидает от книги одного, а она оказывается совсем о другом. Как это случилось,

например, с писателем Юрием Олешей в детстве. Увидев на картинках книги львов, слонов, змей, у него возникли ассоциации с событиями «страшными, загадочными, кровавыми». А когда стал читать, то «вместо событий начиналась какая-то скучная история о том, как музыканты никак не могли рассесться, чтобы начать, наконец, играть». Книгой оказались басни Крылова.

Из множества ассоциаций выделяют ассоциацию первую, мгновенно возникающую в ответ на стимул, и реакцию отдаленную – стоящую в перечне ассоциаций в конце. Первая ассоциация – интуитивно возникающая – наиболее точно характеризует *непосредственное* восприятие читателя, ибо в *ней нет места обдумыванию*. Она выражает личностные связи одного явления с другим. Марина Цветаева, вспоминая о своих детских впечатлениях от поэзии Пушкина, рассказала об ассоциациях, какие возникли у нее при чтении строчки «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя» из стихотворения «К няне». При слове «голубка» ей представился голубиный двор, где гуляют эти птицы. Среди них белые, похожие на мамину муфту: рыхлые, пушистые. Так мамина муфта и няня Пушкина (голубка) соседствовали в ее сознании рядом всю жизнь, как говорила Марина: «Вошли в состав». Интересна и другая ее ассоциация, связанная с поэзией Пушкина. Стихотворная строчка: «Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика» мгновенно вызвала в ее сознании строчку народной песни «Вы очи, очи голубые, зачем сгубили молодца?». Она объясняла это так: «Я знаю, что «Вы, очи-очи голубые» – не Пушкин, но тогда я этого не знала и сейчас внутри себя... не знаю, потому что «разрывая сердце мне» и «сердечная тоска», дорога и дорога, разлука и разлука, любовь и любовь – одно. Все это называется Россия».

Интересный опыт изучения ассоциаций у старшеклассников мы нашли в книге петербургских учителей И.А. Мухиной и Т.Я. Ереминой «Мастерские по литературе: интеграция инновационного и традиционного опыта» (2002). Прочитав ученикам стихотворение В.Маяковского «Ночь», словесник дает задание на протяжении 8 минут записать свои впечатления, которые возникли произвольно, и записать их. Вот некоторые записи:

Хочется дать другое название стихотворению – «День», то есть возникает вопрос, почему так названо. После чтения возникло стремление к тишине, к покою, потому что передано слишком много яркости, шума. У Маяковского представление о ночи расходится с нашим: ночью для него только все и начинается.

Считала цвета: багровый, белый, зеленый; «дукаты» – это золотой, «горящие» – это крас-

ный, желтый, синий, «огни», «пестрый» – и это общее впечатление. Если нарисовать, будет смешение всех («крыло попугая»). Задал себе вопрос, почему так все многоцветно и запутанно... Цвета гиперболичны, фантастичны, нереальны.

Стал отстукивать для себя ритм стихотворения, потому что он кажется очень резким. Захотелось переделать вообще в марш.

А вот ассоциации Лены Д. на стихи Маяковского в целом, выраженные стихотворной строчкой: «Трубы», «банки», «стекла», «склянки», «воздух», «дух», «пожар», «смятенье».

Приведенные реакции школьников на стихи Маяковского, хотя и являются свободными, то есть никакими правилами не ограниченными, тем не менее, их можно отнести к управляемым, так как они были названы по заданию учителя. Учитель на основе ассоциаций («пробы состояний») сделал вывод о первой реакции на стихи поэта, что дало ему основу для размышлений, в каком аспекте строить дальнейшие уроки по творчеству поэта. В частности, полученный материал был использован для последующего разговора о неслучайности возникших образов-картин. Ассоциации дают возможность определить, образное или логическое мышление доминирует в сознании читателя. Особенно показательно в этом плане объяснение самими читателями их собственных ассоциаций. Например, ассоциацию образа Пушкина, возникшую у школьницы в виде многогранника, она объяснила тем, что Пушкин как алмаз, его творчество переливается разными гранями.

Близки к ассоциациям по характеру возникновения – реминисценции и парафразы. Реминисценции – это смутные воспоминания, отголоски чего-нибудь в сознании человека. Парафраз – переложение речи на другие слова. Например, в повести Тургенева «Ася» есть отголоски романа Пушкина «Евгений Онегин», в творчестве Анны Ахматовой можно обнаружить библейские реминисценции. Переименование, или дословное цитирование одного произведения при восприятии другого произведения или жизненного факта – часто встречающийся прием, характеризующий духовный портрет читателя, передающий его состояние и настроение, способность выразить себя через творчество другого.

Ассоциации в системе руководства детским чтением актуализируются для диагностики личностного, альтернативного восприятия прочитанного произведения или его определенной части. В этом случае читателю предлагают спонтанно в строгом ограничении времени записать или высказать устно то, что произ-

вольно возникло в его сознании в связи с именем автора, образом, словом и т.д. Этим они дают толчок для работы воображения и тем самым содействуют развертыванию творческого процесса деятельности каждого. Ценность этого приема состоит в том, что индивидуализация работы сохраняется даже при наличии большого числа участников. Произведенный продукт первых впечатлений обычно подвергается рефлексии и самокоррекции. В случае коллективной деятельности происходит афиширование подчас парадоксального личного опыта участников, что ведет к пониманию ими закономерности разных взглядов на один и тот же предмет, придания ему разных смыслов. Эта деятельность творчески обогащает детей, открывает им ценность разного восприятия одного и того же произведения, а руководителю чтения помогает конкретизировать влияние литературы на духовный мир личности.

Работа с ассоциациями в школьной или детской библиотеке – это своего рода игра, используемая библиотекарем для диагностики и активизации читательского развития детей, для оживления диалога с ними. Так, для изучения вопроса, какие литературные персонажи знакомы читателям, им предлагается выстроить ряд ассоциаций, возникающих при упоминании имени того или иного героя произведения. Ассоциации могут быть зрительные, слуховые, тактильные (осязательные). Библиотекарь называет имя героя, дети откликаются ассоциациями.

Например, ведущий говорит: «Робинзон Крузо», дети: «Борода», «Корабль», «Остров», «Следы», «Пятница», «Хижина», «Лодка» и т.д. Тот же самый прием может быть использован и при упоминании названия произведения или имени писателя. В случае необходимости автор высказывания комментирует свои ассоциации. Возможна игра и в противоположном направлении: от ассоциаций к стимулу. Библиотекарь называет ассоциации, дети отгадывают предмет, которым может быть отдельное слово, книга, автор, герой произведения и многое другое, связанное с чтением. Игра в ассоциации становится игрой в загадки и отгадки.

Более сложным методом использования ассоциаций в художественном развитии подростков поделилась учительница сельской школы М.К.Ковалева в книге «Мир детской жизни» (1997). Алгоритм разработанного ею метода она определила так: «Слушаю – чувствую – осознаю – выражаю в общении с другим». Дети садятся в круг и слушают чтение поэтического произведения. После этого им предлагают задание высказать по очереди (движение по кругу) свое впечатление в слове: что я вижу, что я слышу, что я чувствую. Сложность задания состоит в том, что каждый, прежде чем поделиться своим впечатлением, должен повторить высказывание предыдущего участника и дополнить его своим. Открывается путь к пониманию другого. В конечном итоге дети убеждаются в разном чувствовании одних и тех же строк. Прочитанное стихотво-

ВНИМАНИЕ! НАШИ НОВЫЕ РЕКВИЗИТЫ!

ООО "Школьная библиотека"

ИНН 7714266182

Р/с 40702810500000007403

Банк получателя: АИБ "Академхимбанк" г. Москва

К/с 30101810600000000876

БИК 044583876

Адрес редакции журнала "Школьная библиотека":

103009, Москва, Страстной б-р, д. 8, ком. 310

т/ф 200-19-32

e-mail: s-bibl@mail.ru, sbiblioteka@yandex.ru